

Ф. П. ФИЛИН

О СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Многие лингвисты указывали на условность термина «литературный язык» и между прочим потому, что обозначает он не только язык письменности (написанного), но и общепринятый у образованных людей язык устного общения. Были предприняты различные попытки заменить этот термин иными обозначениями, но все они оказались неудачными. В частности, Е. Д. Поливанов предложил называть литературный язык стандартным языком или диалектом¹. Это предложение в наши дни было принято Д. Брозовичем², Н. И. Толстым («стандартный литературный язык»)³ и некоторыми другими исследователями. Однако название «стандартный» неприемлемо, по крайней мере на русской почве, потому что одно из двух значений его — «лишенный оригинальности, своеобразия; шаблонный, трафаретный»⁴. Между тем каждый литературный язык своеобразен, оригинален и неповторим. Сравнительное изучение литературных языков может быть плодотворным, если оно будет учитывать не только общее, что их объединяет, но и особенное, присущее каждому из них. Во всяком случае термин «литературный язык» продолжает оставаться во всеобщем употреблении, а «стандартный язык» и другие замены не выходят за пределы жаргона узкого круга лингвистов. Здесь уместно напомнить, что практика — критерий истины. Впрочем, может быть, термин «стандартный» является специально лингвистическим, а название «литературный» общеупотребительным словом, — подобно тому, как формула H_2O относится к химической терминологии, а слово *вода* обозначает известный предмет безотносительно к его химическому составу? Однако H_2O — термин содержательный, раскрывающий, из чего состоит вода, а какой «химический состав» литературного языка определяет жаргонизм *стандартный*?

Из многочисленных свойств современного русского литературного языка, на мой взгляд, прежде всего нужно выделить следующие: 1) способность выразить все знания, накопленные человечеством во всех областях его деятельности, семантическую всеобщность, что обуславливает его поливалентность, т. е. употребление во всех речевых сферах, 2) общеобязательность его норм как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется, независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности, 3) стилистическое богатство, основанное на наличии разнообразных вариантов для обозначения одних и тех же семантических

¹ Е. Д. Поливанов, О литературном (стандартном) языке современности, «Родной язык в школе», 1927, 1; его же, За марксистское языкознание, М., 1931, стр. 119 и др.

² Д. Брозович, Славянские стандартные языки и сравнительный метод, ВЯ, 1967, 1; D. Brozović, Standardni jezik, Zagreb, 1970.

³ Н. И. Толстой, К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его «стандартности», сб. «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР», Ашхабад, 1968.

⁴ «Словарь современного русского литературного языка», 14, М.—Л., 1963, стр. 719.

единиц (с дополнительными оттенками или без них) и средств для особых значений, уместных только в определенных речевых ситуациях.

Указанные свойства выявляются при сопоставлении литературного языка с другими разновидностями современного русского языка, а также с прошлыми этапами его развития. Кроме литературного языка, современная русская речь представлена местными (территориальными) говорами, «полудиалектами», просторечием, профессиональными диалектами, жаргонами. Как разновидность литературного языка выделяется также непринужденная разговорная речь образованных людей в обиходно-бытовой обстановке. Отдельно стоит громадная область специальной лексики, в основной своей массе не выходящая за пределы узкопрофессионального общения. Ее наличие позволяет поставить вопрос о существовании лексики нормализованного языка в самом широком смысле слова. Наконец, получают бурное развитие многочисленные искусственные языки («подъязыки»), создаваемые в связи с широким применением ЭВМ и различными нуждами науки и техники и так или иначе использующие средства русского языка. Все эти разновидности русской речи ограничены в сферах своего употребления и не могут конкурировать со всеобщим средством общения — литературным языком.

Литературный язык и другие разновидности современного русского языка имеют сложные взаимосвязи, во многом определяющие их развитие и дальнейшую судьбу.

Общеизвестно, что местные говоры в настоящее время находятся в стадии разрушения и отмирания. Еще несколько десятков лет тому назад подавляющая часть русского сельского и некоторая часть городского населения говорила на местных говорах. Теперь в связи с распространением всеобщего среднего образования и значительным подъемом культуры круг носителей говоров резко сузился. Подавляющее большинство населения владеет литературным языком или пользуется своего рода полудиалектами — речью, переходной от местных традиционных говоров к правильному литературному языку. Говоры как цельные речевые единицы со своей системной организацией, известные по учебникам русской диалектологии и иной диалектологической литературе, теперь уже почти не существуют. Современным диалектологам приходится извлекать факты архаических диалектных систем из общей массы реальных фактов диалектной речи, отвлекаясь от фактического состояния полудиалектов. Во всяком случае, представителей относительно сохранившихся местных говоров приходится специально разыскивать. Их речь уже не типична для массовой речи сельского и тем более городского населения. Однако это еще не значит, что диалектные особенности вовсе исчезли и перестали так или иначе воздействовать на литературный язык. Многие из них оказываются живучими и в виде отдельных элементов сохраняются в речи даже высокообразованных людей. В речи носителей литературного языка могут оказаться и регионализмы городского происхождения.

В той или иной степени проявляющаяся диалектная окрашенность речи носителей литературного языка послужила основанием для утверждения о существовании региональных вариантов русского литературного языка. Однако это сущее недоразумение. Прежде всего, что означает слово «вариант» применительно к литературным языкам и языкам вообще? Толковые словари определяют слово *вариант* как разновидность чего-либо. Региональный вариант литературного языка — это такая его разновидность, которая считается одинаково образцовой, общественно утвержденной, помещающейся на той же плоскости, что и другая его региональная разновидность (или разновидности). Существуют американский и австралийский региональные варианты английского литературного языка, ка-

надский вариант французского языка, центрально- и южноамериканский варианты испанского языка и т. п. Но есть ли хоть малейшие основания говорить о московском, воронежском, архангельском, сибирском и т. д. региональных вариантах русского литературного языка, одинаково для всех нас образцовых и приемлемых? Таких оснований нет. Нельзя ставить в один ряд нормы литературного языка и отклонения от них. Известно, что литературное взрывное *з* (оглушающееся в определенных позициях в *к*) противопоставит южновеликорусскому фрикативному *γ* (оглушающемуся в *х*). Фрикативное *γ* — явление довольно устойчивое, его можно услышать в речи многих носителей литературного языка — выходцев из южновеликорусских областей. То же самое можно сказать о билабиальном *w* и его заменах, отвердевших губных на конце слов (*сем, любовь*), следах диссимилятивного аканья, оканья и связанных с ним особенностей, формах местоимений род.-вин. падежа ед. числа *мене, тебе, себе* и о многих других диалектных явлениях всех языковых уровней, так или иначе проявляющихся в речи образованных людей в качестве региональной приметы. Эти и подобные им диалектные черты вовсе не являются вариантами соответствующих литературных норм, они, вне всякого сомнения, находятся за пределами литературной языковой системы и обречены, как правило, на постепенное исчезновение. Изучать их необходимо, но не в качестве вариантов литературного языка. В языке художественной литературы, а в определенных случаях и вне ее диалектизмы используются для характеристики особенностей речи лиц, эпохи и в иных стилистических целях. В тех же случаях, когда диалектизмы приобретают права литературного гражданства, они теряют свой региональный характер, становясь элементами общепринятого литературного языка.

Сложнее обстоит дело с явлениями, идущими не из местных говоров, а возникающими в культурных центрах, но и в этих случаях положение в принципе не изменяется. Известно, что в основе современного русского литературного произношения лежит так называемое старомосковское наречие, ставшее образцовым в конце XIX — начале XX в. Ему обычно противопоставляется петербургское наречие. К сожалению, пока мало известно, как варьировались в пределах литературной нормы московское и петербургское произношение в XIX в. — отдельные сведения и наблюдения на этот счет случайны и незначительны и не позволяют делать с уверенностью какие-либо выводы. Можно сказать только одно: московское произношение ориентировалось на устную речь коренного московского населения, прежде всего интеллигенции, тогда как в петербургском произношении имела тенденция сближать московские орфоэпические нормы с правописанием (стремление к эканью, т. е. произношение *е* на месте орфографического *е* в первом предупредительном слоге, произношение *чи* в соответствии с написанием вместо *ин, -кий, -хий, -гий* вместо *-кѣй, хѣй, гѣй* и др.). Попытка объяснить петербургско-ленинградское эканье диалектным окружением Петербурга — Ленинграда⁵, как и предположение о преобладании в Ленинграде в 20—30-х годах эканья над иканьем, ни на чем не основана. То, что получило обозначение петербургско-ленинградского в орфоэпии, в истоках своих, вероятно, было связано с особенностями речи петербургского чиновничества. Но тенденция относительного сближения произношения и орфографии с самого начала была общерусской, обусловленной причинами культурно-социальными, а не территориальными. И позже широкие массы населения овладевали литературным языком, главным образом учась по книгам, а не по произношению. Произношение окон-

⁵ «Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка», М., 1968, стр. 26 и сл.

чания прилагательных *-кий, -гий, -хий* не было свойственно русским архаическим говорам, оно явно книжного происхождения. Таким образом, название «петербургско-ленинградское произношение» очень условно, его нельзя понимать в буквальном смысле. Не имеет какого-либо территориального ограничения и московское произношение, также общерусское по своему характеру.

Существующие в современном литературном языке орфоэпические варианты (а их имеется немало) или свойственны речи любого носителя литературного языка, или же их преимущественное употребление зависит от возраста, культурных навыков, стилистической установки речи и иных причин. Локальные же разновидности произношения носят совсем иной характер. В настоящее время совершенно исключено, чтобы какие-либо территориально обособленные идентичные по функции явления языка (речь идет о русском языке) были бы в равной мере нормативными, образцовыми. То, что считается правильным или неправильным в Москве, точно так же оценивается в Ленинграде и в любом другом месте, где звучит русский литературный язык. Нужно решительно отличать литературные языковые нормы (и их варианты, свойством которых нередко бывает функциональная нетождественность), к полному овладению которыми должен стремиться каждый культурный человек, от диалектной окраски речи отдельных носителей литературного языка (специальной функциональной нагрузки не несущей), общественно осознаваемой как лингвистический дефект, как нечто, находящееся вне литературной нормы. Разумеется, диалектная окраска, о которой здесь идет речь, сама по себе является интересным объектом лингвистического исследования, еще мало изученным. Важно только правильно определить ее место относительно литературной нормы.

Не исключено, однако, что в отдельных случаях общепринятые варианты произношения в различных местностях употребляются неодинаково часто. Возможно (хотя практически это трудно проверить, поскольку следовало бы произвести массовое, если не поголовное, лингвистическое обследование населения, а не случайно выборочное), что в Москве несколько чаще употребляется мягкое произношение в словах типа *ne[m'l'a]* (нормально и *ne[tm'l'a]*), чем в Ленинграде, но константация этого факта не имеет никакого отношения к проблеме локальных вариантов литературного языка, поскольку *m'l'* и *tm'l'* одинаково нормативны на всей территории русской литературной речи. Можно считать даже несомненным, что многие вариативные нормы имеют диалектное происхождение, но не следует смешивать происхождение явлений (диахронный план) с их функционированием в настоящее время (план синхронный). Если оба варианта считаются одинаково образцовыми для всех, говорящих на русском литературном языке, то их локальное происхождение безразлично в аспекте нормы, оно представляет интерес только для историков русского языка.

К сказанному следует добавить, что ложная теория о локальных вариантах русского литературного языка смыкается с существующим у некоторых писателей мнением, будто бы русского литературного языка с его строгими централизованными нормами вообще не существует, что прав был В. И. Даль, предлагавший открыть неограниченный доступ в литературу всем ненормативным средствам русской речи; вся огромная работа по повышению культуры речи населения, ведущаяся в нашей стране, с этой точки зрения оказывается ненужной. Но мы хорошо помним задание В. И. Ленина создать словарь образцового русского языка (которое выполнено советскими языковедами), его указание о необходимости бороться за чистоту русского языка, помним об отношении А. М. Горького к областным словам и выражениям.

Многое еще предстоит выяснить в отношениях к кодифицированному литературному языку просторечия и разговорной речи. Под просторечием обычно понимаются языковые средства (слова, грамматические формы и обороты, особенности произношения), употребляемые преимущественно в устной речи для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли. Например, такие слова и выражения, как *канючить*, *над нами не каплет*, *караулка* (не то, что нейтральное *караульная* — в караулке может помещаться не только караул, но и сторож), *на карачках*, *карга* (бранное название старухи), *карачун*, *капут*, *каюк*, *катнуть* (съездить, поехать) и т. п. во всех современных толковых словарях русского языка определяются как просторечные. В лингвистической литературе давно идет спор, включать ли просторечие в состав литературного языка или же ставить его вне нормативного употребления. На этот счет высказываются разные точки зрения, по моему убеждению, основанные на недоразумении. Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает.

Современный литературный язык не может состоять только из одних нейтральных, стилистически однородных средств выражения, хотя эти средства и составляют его основу. То, что в словарях обозначается как просторечное средство, может быть употреблено в подходящей ситуации любым образованным человеком. Вывести из состава литературного языка функционирующее в нем просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку. Все, что используется в литературном языке и является в данное время общепринятым, общенародным в его письменной и устной разновидностях, принадлежит его системе. Между просторечием и диалектизмами и жаргонизмами, также попадающими в литературный язык, имеется принципиальное различие: первое общенародно, а вторые употребляются только в речи отдельных групп населения или отдельных писателей, следовательно, их нельзя относить к нормативным, общепринятым средствам литературного языка. Между прочим, подсчет стилистических позиций слов в 7 томе «Словаря современного русского литературного языка» (буква Н) дает любопытные результаты. Из 15 530 таких позиций (под стилистической позицией понимается любой элемент словаря — слово, значение слова, оборот, форма слова, ударение, — который имеет стилистическую помету или не имеет ее, когда отсутствует стилистическая окраска) нейтральных оказалось 11 606 (75%), стилистически отмеченных 3925 (25%). По этим данным, нейтральная основа составляет три четверти элементов современного русского литературного языка. На просторечие приходится 24,40% стилистически отмеченных позиций (6,22% всех позиций), на разговорные элементы соответственно 38,47% (9,71%), на диалектизмы только 3,72% (0,94%), на прочие стилистически окрашенные элементы 23,41% (8,13%). Конечно, приведенные цифры надо относить к письменной разновидности литературного языка и прежде всего к языку художественной литературы, что определяется источниками указанного словаря. Как выглядело бы соотношение нейтральных и стилистически отмеченных элементов в устной разновидности литературного языка, нам неизвестно. Утверждать, что стилистически отмеченных элементов в устной речи больше, рискованно, поскольку границы стилистических оценок в письменном и разговорном литературном языке далеко не во всем совпадут. Нужно также иметь в виду некоторую условность стилистических помет в словаре, и хотя преувеличивать эту условность нет оснований, все же трудность разграничения элементов разговорных и

просторечных — факт показательный в смысле равной принадлежности этих явлений литературному языку. П. Н. Денисов и В. Г. Костомаров провели подсчет соотношения стилистических помет по всему тексту словаря С. И. Ожегова, в котором нормативность в оценке лексики, естественно, выше, чем в большом академическом словаре. У них на помету «разг.» получилось 33,92%, на «прост.» 9,29% и на «обл.» 1,76%⁶. Расхождение в цифрах не очень велико, и объясняется оно прежде всего спецификой указанных словарей.

Утверждая, что просторечие — органическая составная часть системы литературного языка, выполняющая в нем определенную стилистическую роль, мы в то же время признаем, что существует и просторечие вне литературного языка. Под современным внелитературным просторечием следует понимать язык той части населения, прежде всего городского, которая еще недостаточно овладела литературными языковыми нормами. Практически это просторечие и «полудиалекты» смыкаются. В «полудиалектах» лишь более ясно проступает их старая диалектная основа и несомненно, что с ростом образования роль «полудиалектов» в общении неизбежно будет снижаться. Различие между внелитературным просторечием и архаическими местными говорами в том, что характерные черты просторечия обычно не имеют территориальных ограничений, они повсеместны. Для просторечия (в данном смысле), как и для «полудиалектов», характерно наличие неправильных (по сравнению с литературными нормами) огласовок, ударений, форм слов и грамматических оборотов в нейтральном употреблении и т. д., чем создается иное сравнительно с литературным языком стилистическое осмысление речевых элементов. Иногда высказывается взгляд, согласно которому само по себе просторечие едино, оно только по-разному оценивается: говорящие на литературном языке используют его как стилистически сниженный, ненормативный пласт языка, являющийся своего рода острой приправой к литературной речи, а для не владеющих литературным языком просторечие — обычный, нейтральный способ общения. Безусловно, разная оценка просторечия — явление объективное, но этим дело не ограничивается. Существуют внелитературно-просторечные слова, которые говорящий на литературном языке не допустит в свою речь ни при каких обстоятельствах (если не считать нарочитой подделки под «народность» или дурачества). Если для носителей литературного языка *крайний* (последний в очереди), *троллейбус* (троллейбус), *полуклиника*, *в кинé*, *без пальтá*, *хотйт*, *хóчут*, *местóв*, *илний* и пр. нетерпимы⁷ и могут быть употреблены лишь в целях создания эффекта сниженности речи, стилизации, то в просторечии эти им подобные отклонения от литературного языка нейтральны.

Следует заметить, что внелитературное просторечие еще очень слабо изучено. Исторически оно связано со старой разговорно-обиходной речью городских слоев населения, противопоставляющейся книжному языку в те времена, когда нормы устной разновидности литературного языка еще не были выработаны. Расслоение старого просторечия и устной литературной речи, по-видимому, началось где-то в середине XVIII в. Как предполагает в своей интересной статье В. Д. Левин, «самого просторечия как языкового слоя, противопоставленного разговорно-литературной

⁶ П. Н. Денисов, В. Г. Костомаров, *Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи* (по данным «Словая русского языка» С. И. Ожегова, 3-е изд., М., 1953). «Вопросы учебной лексикографии», М., 1969, стр. 112.

⁷ С полным основанием К. И. Чуковский писал: «Ни под каким видом, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: *пальта*, *пальту* или *пальтом*» (К. И. Чуковский, *Живой как жизнь*, М., 1962, стр. 20).

речи, не существовало в то время (в эпоху Петра I. — Ф. Ф.); более или менее заметное расслоение разговорно-обиходной речи происходило уже во второй половине или даже в конце века»⁸. В дальнейшем просторечие становится преимущественно средством общения неграмотных и полуграмотных городских слоев населения. Оно оказывало серьезное воздействие на развитие литературного языка, постоянно давая ему средства для сниженного стиля. Впрочем все это еще подлежит изучению.

Особое место в структуре русского языка занимают разговорные элементы в литературном языке и сама разговорная речь. Устная разновидность литературного языка непосредственно связана с нормализованным языком письменности, особенно когда она выступает как средство массового общения (язык радио и телевидения, кино, театра, докладов, лекций и других публичных выступлений). В то же время она постоянно испытывает воздействие со стороны просторечия, жаргонов и местных говоров, имеются в ней и собственные тенденции развития, что приводит к разномуобразным сдвигам в системе литературного языка и находит отражение в его письменной разновидности. Наряду с устной речью массового общения существует также непринужденно-диалогическая бытовая речь.

Как говорил в свое время Л. В. Щерба, для нее прежде всего характерно, что ее «сознательность» (т. е. сознательная ориентация на литературно-письменные образцы) стремится к нулю. Особенности непринужденной разговорно-бытовой литературной речи, как выясняется благодаря работам Е. А. Земской и других исследователей, прежде всего проявляются в структуре синтаксиса (нечеткость в делениях речевого текста на предложения, разного рода недоговоренности, обрывы, повторения, своеобразные конструкции, необычный порядок слов, алогизмы и т. п.). Достаточно просмотреть стенограммы неподготовленной разговорно-литературной речи, чтобы убедиться в этом. Для печати такие стенограммы обычно надо переписывать заново. Наиболее выразительно недостаточная синтаксическая организованность проявляется в интимно-фамильярной речи. Взаимопонимание в таком случае достигается благодаря дополнительным экстралингвистическим средствам (мимика и жесты, окружающая обстановка, знание обстоятельств, имеющих отношение к предмету речи, и т. п.).

Определенные сдвиги наблюдаются и в стилистических оценках. То, что в строго организованном литературном языке имеет окраску непринужденности и фамильярности, некоторой сниженности, в неподготовленной и интимной разговорно-литературной речи может оказаться нейтральным. Редко кто из нас в разговоре употребит «поеду на электропоезде», обычным будет *электричка*. В официальном языке однако употребляется *электропоезд*, а слово *электричка* все современные словари (с позиций литературных норм) дружно определяют как «разговорное», т. е. имеющее сниженную окраску. Из этого следует, что и понятие «разговорное», как и понятие «просторечное», двойственно, оно обозначает стилистический пласт непринужденных и сниженных элементов в образцовом литературном языке (пласт значительный, составляющий более трети всех отмеченных стилистических позиций) и нейтральную разговорно-бытовую речь.

В разговорно-бытовой речи, по-видимому, можно обнаружить повышенную вариативность лексики, некоторые сдвиги (особенно окказиональные) в значениях слов, разного рода другие окказионализмы, большой удельный вес просторечия, диалектизмов и жаргонизмов, но в основе своей словар-

⁸ В. Д. Л е в и н, Петр I и русский язык (К 300-летию со дня рождения Петра I), ИАН ОЛЯ, 1972, 3, стр. 217.

ный состав остается тем же, что и в образцовом литературном языке. Фонетические нормы также в основном сохраняются.

Некоторые лингвисты склонны считать неподготовленную разговорно-бытовую речь особым «разговорным языком», имеющим свою самостоятельную систему. Это явное преувеличение, которое доказать невозможно. Письменно-литературная и разговорно-бытовая разновидности литературного языка органически переплетаются друг с другом, постоянно взаимодействуют, питают и обогащают друг друга, причем ведущая роль остается за письменно-литературной разновидностью. Говорим и пишем мы при всех жизненных обстоятельствах на одном, а не на двух русских литературных языках. Утверждать обратное — значит превратно толковать понятие «язык» и «языковая система».

Попутно следует заметить, что вообще не следует злоупотреблять термином «язык». В некоторых работах последних лет получили распространение выражения «диалектный язык», «диалектный тип языка», содержание которых не выходит за рамки понятия «местные говоры, диалекты, наречия». Кроме путаницы, эти термины в науку ничего не вносят. Язык представляет собою определенную систему выражения на всех уровнях. Современный литературный язык, несомненно, представляет такую систему со своими специфическими особенностями. Местный говор также представляет собой систему, пусть в настоящее время трансформирующуюся в полудиалект, и может в определенном смысле противопоставляться литературному языку, но совокупность всех говоров не имеет своей особой системы и является всего лишь суммой многих местных систем. Объединяет все говоры русского языка то общенародное, что присутствует во всех разновидностях русского языка, в том числе и в литературном языке, что делает русский язык общенациональным средством общения. Никто не может доказать, что все вместе взятые говоры русского языка имеют такие же системы, как литературный язык или отдельный говор; следовательно, никакого «диалектного языка» не существует и не может существовать.

Очень важное значение для развития лексики литературного языка имеет развитие научно-технической и производственной терминологии. В наш век научно-технической революции происходит громадный рост специальных терминов, возникновение новых терминологических систем. Никто не знает даже приблизительно, сколько терминов имеется в настоящее время в русском языке. Во всяком случае их миллионы. В подавляющем своем большинстве они находятся за пределами общелитературного употребления, оставаясь достоянием рабочих, служащих и ученых определенных профессий. Несомненно, такое положение сохранится и в будущем, так как невозможно представить себе такого человека, лексический запас языка которого составляли бы миллионы слов.

Однако некоторая часть специальных терминов бурным потоком вливается в общий язык. Определенный интерес представляет в этом отношении словарь-справочник «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина⁹. В этом словаре помещены слова, не вошедшие в современные толковые словари русского языка и извлеченные составителями из различных письменных источников 1964—1968 гг. Конечно, в указанном словаре учтена только какая-то часть лексики, попавшая на страницы общей печати, но и она показательна. Всего в словарь включено около трех с половиной тысяч слов, и почти все они относятся к области специальной терминологии: *аденовирусы* (вирусы, поражающие лимфатиче-

⁹ «Новые слова и значения. Словарь-справочник», М., 1971.

ские железы), *амидопирин* (пирамидон), *анид* (разновидность синтетических волокон, аналогичная нейлону), *хула-хуп* (гимнастический обруч, вращаемый вокруг туловища) и т. д. и т. п. По моим приблизительным подсчетам, новобразований, созданных на базе русских языковых средств, что-то около 730 или всего около 20% ученых новых слов и значений. Этот процент несколько повысится, если учитывать сложные слова, в состав которых наряду с иностранными входят и русские основы (*радио-глаз* — о радиотелескопе, *антимир*, *биосвязь* и под.), и образования с русскими префиксами (*подпрограмма* — программа отдельной части вычислительного процесса, *подсистема* — подразделение, часть какой-либо системы и т. п.). Следовательно, в современном терминотворчестве ведущую роль играют заимствования (особенно из английского языка). Русская лексика растет прежде всего за счет специальной терминологии, а в этой терминологии господствуют иностранные слова. Хорошо это или плохо (бездумное подражание иностранным образцам и увлечение заграничными терминологическими модами, конечно, плохо), но факт остается фактом. Конечно, и в составе общелитературного языка специальная лексика не утрачивает своего терминологического характера.

Несравненно более скромную роль в развитии литературного языка играют разного рода ограниченные в своем употреблении жаргонизмы, которые обычно являются признаком низкой культуры речи или же используются как элементы эмоционально окрашенного сниженного стиля. Некоторые из жаргонизмов попали в вышеназванный словарь «Новые слова и значения»: *баранка* (о ноле очков, баллов в спортивных соревнованиях), *женатик* (женатый мужчина), *ляп* (ошибка, промах), *сообразить* (выпить какой-либо спиртной напиток, выпить вскладчину), *схимичить* (сделать что-либо незаконное, сплутовать, смошенничать) и др. Конечно, жаргонизмы должны изучаться лингвистами и сами по себе, и как стилистическое средство, но с позиций литературных норм они в большинстве своем словесный мусор, которому не место в речи культурных людей.

Как видно из вышеизложенного, русский литературный язык, сам неоднородный в своем составе, теснейшим образом связан с различными разновидностями русского национального языка, воздействует на них и сам испытывает их влияние. В результате этого влияния он не только пополняется новыми средствами выражения, но и обогащается стилистически, повышает вариантность своих элементов, получая возможность обозначать одно и то же явление разными словами и формами. Вариантность — одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами (одни варианты на определенные отрезки времени остаются равноправными, но в таком равноправии всегда заложена возможность нарушения равновесия; другие стилистически по-разному окрашены, причем их окраска тоже изменчива; третьи укрепляют свои позиции или, наоборот, сдают их, переходя в разряд малоупотребительных или устаревших элементов) происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях. Смена одних вариантов другими нередко протекает неравномерно и зависит от многих причин. Изменение границ между разновидностями языка (а эти границы не только подвижны, но и далеко не всегда определены) также нередко осуществляется через ступень вариантности в широком смысле этого слова. В то же время для современного русского литературного языка характерна строгая нормативность, узаконивающая употребление вариантов — или равноправных, взаимозаменяемых, или стилистически ограниченных. Все мы в разной мере в своей речевой деятельности делаем те или иные отступления от установившихся норм, но между речью индивидуума и языком общества нельзя ставить знак равенства. Языко-

вые нормы в их общественном бытии — маяк, на который языковой коллектив ориентируется в бесконечном море речевой деятельности.

Разумеется, наличие образцовых норм вовсе не означает их неизменности, так как язык, как и сама жизнь, постоянно в чем-то меняется, но изменения в нем происходят не беспорядочно, не анархически, а в рамках внутренних законов развития языка, корректируемых обществом. Нередко приходится читать и слышать (особенно со стороны отдельных писателей), что нормативность сковывает языкотворчество, «омертвляет» язык, что нужно дать полную свободу «народной речи» (в далевском смысле или вроде того) и отменить, в частности, стилистические ограничения, «навязываемые» в словарях лексикографами, и прочие кодификаторские установления. Все это досадное недоразумение. Литературный язык и язык писателя — не одно и то же. Язык художественной литературы — очень важная, но все же лишь составная часть литературного языка, обслуживающего различные сферы деятельности общества. Писатель свободен в своем языкотворчестве, и прелесть его языка в индивидуальном и неповторимом своеобразии, но свободен он лишь до известной степени. Замечательные русские писатели обогащали литературный язык, а великий Пушкин в свое время его реформировал, но они правительственно угадывали внутренние законы его развития, способствовали их лучшей реализации, а не шли против них. Нормы литературного языка, достаточно гибкие благодаря своей вариантности, обязательны для всех. Что касается стилистических помет в словарях, грамматиках и иных изданиях кодифицирующего характера, то не вина лингвистов, что в языке объективно, независимо от их воли, существует стилистическое разнообразие, богатство (и хорошо, что оно есть). Беда их в том, что они не всегда адекватно отражают стилистическую систему литературного языка.

Язык художественной литературы — чрезвычайно важная, но составная часть общелитературного языка, функции которого охватывают все виды человеческого общения. Однако в то же время он и шире общелитературного языка, поскольку писатели (в зависимости от своей одаренности и целевого назначения их произведений) нередко используют языковые средства иных систем — элементы давно минувших эпох (так называемые историзмы), иностранные слова и выражения (иногда без перевода), диалектизмы, внелитературное просторечие, жаргонизмы и прочие языковые средства, находящиеся вне норм общепринятого литературного языка. Многие из таких средств благодаря удачным находкам, жизненной необходимости и авторитету писателя становятся нормативным, образцовым. Только безнадежные пуристы могут встречать в штыки любое языковое творчество писателей. Между языком художественной литературы и нормативным литературным языком нет и не может быть тождества, но теснейшая и органическая связь между ними несомненна. Кстати, заметим, что такой упорный противник самого понятия нормативности (без которого немислим ни один литературный язык), как писатель А. Югов, сам пишет на обычном русском нормативном языке.

Мы попытались здесь сжато и схематически представить структуру современного русского языка в его различных разветвлениях. Ее своеобразие станут еще более наглядными, если обратиться для сравнения к прошлым временам, когда расчлененность русского языка была иной, но это тема для особой работы.
